

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНТЕРТЕКСТ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Вера Игнатьевна Бочкарева
(v.bochkareva@gmail.com)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Бочкарева В.И. (2019) Литературный интертекст дореволюционной российской социологии. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(2): 34–54. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.2>

Аннотация. Анализируется влияние художественной литературы на развитие отечественной социологии середины XIX — начала XX в. Связь с литературой дает возможность дополнить и расширить видение процесса становления и развития социологии этого периода. Выделены такие элементы этой связи, как ссылка на имена и тексты литераторов для иллюстрации социологических концепций, литературная критика, которая занималась оценкой литературных произведений с точки зрения проблем общественной жизни, статьи о русских писателях, участие социологов в литературных сообществах и организациях, их деловые и дружеские отношения с писателями и поэтами. В центре внимания — использование социологами литературы в качестве объективных фактов эмпирической реальности, фактов времени и эпохи на основании онтологически родственного социологии метода реализма (критического реализма). Критический реализм с признанием О.Бальзака его основателем стал доминирующим направлением в российской литературе XIX в. Основанием для этого послужило то, что, в отличие от романтизма, при всем стилистическом разнообразии критический реализм ставил своей целью правдивое изображение действительности с акцентом на несправедливость, безнравственность общества и попыткой воздействовать на него через выбор характеров персонажей и описание окружающей среды. Это направление стало отражением процессов и явлений, происходящих в реальной общественной жизни, и предметом изучения в том числе социологии. Образная форма отражения действительности в литературе для социологов означала способ освоения явлений жизненного мира, наблюдаемых фактов действительности. Жизненная достоверность критического реализма стала основанием и для литературного творчества самих отечественных социологов, которые писали романы, повести, рассказы, стихи, эпиграммы.

Ключевые слова: дореволюционная российская социология, художественная литература, критический реализм.

Связь отечественных социологов середины XX — начала XX в. с литературой была чрезвычайно многообразной. К ее элементам относится использование социологами литературы в качестве эмпирического мате-

риала как «факта» времени и эпохи, их ссылки на имена и тексты литераторов в социологических работах и статьи о русских писателях. Эта связь формировалась и участием социологов в литературных сообществах, организациях их деловыми и дружескими отношениями с писателями и поэтами, литературной критикой и литературным творчеством самих социологов. Статья является первой по данной теме и, конечно, не может претендовать на воссоздание полной картины этих связей*.

В России социология была запрещена на государственном уровне до 1917 г. и, в отличие от Запада, не имела «гражданского статуса» (П.А.Сорокин). При разработке «научной общей социологической теории» (Н.И.Кареев) социологам требовался эмпирический материал, который и давала им литература. Для связи литературы и социологии как социальных явлений особое значение имело такое направление в литературе, как реализм, критический реализм. В отличие от романтизма, он в образной форме давал описание актуальных проблем общества — реальную действительность с ее противоречиями и социальной иерархией, а не мир фантазии, вымыслов любого происхождения (мифологического, фольклорного, сказочного, религиозного).

Влияние критического реализма на российскую социологию

Критический реализм в литературе при стилистическом его разнообразии ставил своей целью художественное, правдивое изображение действительности, жизненных и человеческих переживаний в типических чертах, с акцентом на несправедливость, безнравственность общества и попыткой воздействовать на него (через выбор сюжетов, характера персонажей, описания окружающей среды). Это направление в литературе стало отражением процессов и явлений, происходящих в общественной жизни, в социальных группах, что составляет и предмет изучения социологии. Образная форма отражения действительности в критическом реализме — это способ освоения жизненного социального мира, обобщение и типизация наблюдаемых фактов действительности.

Влияние на становление реализма в мировой литературе оказал О. Бальзак своей эпопеей «Человеческая комедия», которая включала 90 романов и рассказов), где в типических образах была изображена «социальная жизнь» — «частная, провинциальная, парижская, политическая, военная, сельская» и зависимость человека от этой среды (Бальзак 1960: 35).

*Материалы статьи не имеют отношения к «социологии литературы» и ее тематике: изучению читательской аудитории, литературного стиля, производства, потребления, рынка, издательской деятельности и т.д.

Критический реализм в мировой литературе стал затрагивать большие формы (романы, поэмы, повести) и малые (стихотворения, рассказы, эпиграммы). На Западе традиции реализма продолжали Стендаль, Э. Золя, Ч. Диккенс, У. Теккерея, М. Твен, Д. Лондон и др.

Произведения Бальзака переводились в России с 30-х годов XIX в. и публиковались в журналах «Северная пчела», «Московский телеграф» и др. Литература, которая ведет свое начало от Бальзака, стала называться «реалистической». А.С. Пушкин читал Бальзака в подлиннике. Интерес к нему проявляли В.Г. Белинский, А.И. Герцен, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, М. Горький. Ф.М. Достоевский переводил роман Бальзака «Евгения Гранде» и называл этот роман «большой литературой». Л.И. Мечников (под псевдонимом А. Денегри) в статье «Бальзак и его школа» («Дело», 1870) писал, что роль и заслугу писателя он видит в разоблачении им общественных порядков и «безобразий», которые не всегда можно заметить «простым глазом». Тургенев неоднократно встречался с Бальзаком в Париже и считал, что он в своих произведениях выступает как «физиолог и анатом», описывая жизнь «реалистической, нагой», а в предисловии к статье «Очерки и рассказы Л. Кладеля» (1876 г.) писал, что Бальзак воспроизводит общественную жизнь «в ее типичных проявлениях». Н.К. Михайловский в статье «Отчего погибли мечты?» («Северный вестник», 1887) — отклике на роман Бальзака «Утраченные иллюзии» — отмечал, что в своем творчестве Бальзак — «бытописатель» и многое в романе описано, точно это происходило «вчера, а не пятьдесят лет назад». Проблемы, поднятые Бальзаком, были злободневными и для России.

Опыт реалистической литературы, основанный на принципе типизации и зависимости человека от общественной среды (сословной, профессиональной, бытовой, возрастной), отражен в сборнике «Физиология Петербурга» (в двух частях). Материалы первой части допущены цензурой в ноябре 1844 г., второй — в январе 1845 г. Сборник составлен из очерков видных литераторов 1840-х годов — В.Г. Белинского, Н.А. Некрасова, В.И. Даля (под псевдонимом Казак Луганский), И.И. Панаева, В.Д. Григоровича, А.Я. Кульчицкого (под псевдоним Говорилин). Сборник был опытом «достоверной» литературы, основанной на типизации и фактах с натуры — в «нагоде» жизни низших слоев общества (Физиология Петербурга 1984).

Термины «физиология» и «тип» вошли в литературу также с легкой руки Бальзака и стали активно в ней использоваться. Бальзак заложил основы теории типизации в беллетристике. В предисловии к «Человеческой комедии» (1842) он писал, что создавал «типы путем соединения отдельных черт многочисленных однородных характеров» (Бальзак 1960: 26). Тип —

это «образец рода», который синтезирует характерные черты сходных лиц, сосредоточивающих в себе сущность социальных явлений, списанных «с живого образца». Чаще всего это тип личности, который вступает в конфликт или идет на компромисс с внешним, «вещным» миром, с обществом.

В России критический реализм в литературе стал доминирующим элементом культуры и оказал большое влияние на развитие отечественной социологии. Воздействие литературы на социологию и социологии на литературу сопровождало всю историю развития отечественной социологии середины XIX — начала XX в. Критический реализм формировался творчеством Пушкина («Повести Белкина», «Евгений Онегин», «Дубровский»), А.С. Грибоедова («Горе от ума»), М.Ю. Лермонтова («Герой нашего времени»), Н.В.Гоголя («Мертвые души», «Ревизор»). И развивался Н.А. Некрасовым, Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, И.А. Гончаровым, И.С. Тургеневым, А.П. Чеховым, М.Е. Салтыковым-Щедриным, А.Н. Островским (чьи пьесы Н.А. Добролюбов называл «пьесами жизни»), В.Г. Короленко (который считал себя «беспартийным социологом»).

Н.К. Михайловский определял реализм в литературе как «стремление изображать правду жизни, как она есть» (Михайловский 1989: 253). По словам Чехова, реалисты «пишут жизнь такую, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, Вы, кроме жизни, как она есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть» (Чехов 1977: 53).

Литературная ангажированность дореволюционных российских социологов

Знание литературы давало возможность социологам в своих исследованиях ссылаться на имена и тексты западных и русских писателей, поэтов для аргументации и иллюстрации своих концепции, своей теоретико-методологической позиции.

М.М. Ковалевский — «эмпирик», «позитивист», знаток французского языка, который, по словам Н.И. Кареева, «до конца своих дней оставался большим поклонником Конта» (Кареев 1990: 142), был знаком по первоисточникам с работами и перепиской основоположника социологии. Он обращался к анализу не только его взглядов, но и литературных пристрастий, на которые ссылался в своей социологической концепции.

В «Очерке истории развития социологических учений» (1906) Ковалевский выделяет «большое пристрастие» О. Конта к двум искусствам — поэзии и музыке: «Его любимым отдохновением было чтение великих стихотворцев древности и некоторых итальянских поэтов Средних веков и эпохи Возрождения, в частности Данте» (Ковалевский 2011:234–235).

Он пишет об умении Конта оценить влияние, какое греческий политеизм «оказал на широкий полет фантазии поэтов и художников...на их искреннее и наивное отношение к религиозным мифам, какое выступает столько же в Гомеровской “Илиаде”, сколько в стихотворениях Гесиода и произведениях первых греческих трагиков» (Ковалевский 2011:236).

Ковалевский особо выделяет тот факт, что Конт для оценки императорской власти Наполеона III «не знает другого имени, как “мамамушизм”; слово это заимствовано им из известной комедии Мольера» (Ковалевский 2011: 222). И далее повторяет: у Конта «республиканская диктатура может держаться под одним условием признания ею свободы; непонимание этой истины и есть причина неустойчивости Наполеоновского правительства, которое выродилось в какую-то театральную полувосточную монархию, для которой Конт, как я уже сказал, употребляет термин, заимствованный им из комедии Мольера “мамамушизм”» (Ковалевский 2011:231).

Творчество Мольера, который следовал принципам реалистической эстетики, законам типизации и развивал прогрессивные устремления классического стиля, было связано с национальными истоками реализма во французской литературе. Писательская деятельность, позиция критического реализма Бальзака формировалась под влиянием Мольера, Ф. Рабле. В своих комедиях Мольер изображал главные пороки своего времени и заложил основы новой реалистической драматургии. Поэтому у российских драматургов (Грибоедова, Гоголя, Островского) он пользовался авторитетом. Толстой писал о нем: «Мольер едва ли не самый всенародный и поэтому прекрасный художник нового искусства» (Толстой 1951: 161).

Что касается термина «мамамушизм», то речь идет о комедии Ж.-Б. Мольера «Мещанин во дворянстве» (1670), где мещанин Журден хочет заявить о себе как о дворянине и с этой целью учится фехтованию, правописанию, философии, танцам, музыке. Но все его попытки нелепы и вызывают только смех. Он отказывает в руке своей дочери мещанину Клеону на том основании, что тот не дворянин. Тогда Клеон и его слуга Ковель идут на обман. Ковель от имени «сына султана» просит руки дочери Журдена и предлагает произвести Журдена в самый почетный сан в мире «наизнатнейших вельмож» — «мамамуши» (Мольер 1957: 455, 458). Конт использует этот термин для сравнения и пишет уже о «мамамушизме» как о явлении, которое свойственно императорской власти Наполеона III, этой «театральной восточной монархии». Обращение к литературным пристрастиям Конта, к комедии Мольера стало для Ковалевского иллюстрацией историко-сравнительного метода в концепции «генетической социологии».

Для генетической социологии Ковалевский собирал эмпирический материал в архивах и библиотеках Европы и США. В Англии он познакомился и общался с С. Меном, который преподавал в Кембриджском и Оксфордском университетах и считался «социологом-эмпириком» и творцом историко-сравнительного изучения права (римского, английского, германского, ирландского, славянского). Ковалевский называл его «своим учителем». А свою работу за рубежом он объяснял тем, что отсутствие в российских архивах и библиотеках систематизированного материала затрудняет исследовательскую работу.

В работе «Борьба немецкого влияния с французским в конце XVIII и в первой половине XIX столетия» (1915) Ковалевский ссылается и на литературные пристрастия А.Н. Радищева в романе «Путешествие из Петербурга в Москву».

Жанр путешествия в литературе был особенно популярен в Европе в 1780–1790-е годы. Радищев в возрасте 17 лет (1766) был послан Екатериной II в Лейпцигский университет и вернулся в Петербург в 1771 г. Его первой книгой по возвращении из-за границы был перевод с французского сочинения Г. Мабли «Размышления о греческой истории, или О причинах благоденствия и несчастья греков» (1773). «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев напечатал в своей типографии в 1790 г. Ковалевский пишет, что в ней, несмотря на пять лет обучения в немецком университете, у Радищева нет ни одной ссылки на немецких писателей: «Мы узнаем о литературных пристрастиях Радищева из следующего перечисления им книг, которые “читаны будут, доколе не истребится род человеческий”. Таковыми он считает Гомера, Вергилия, Мильтона, Расина, Вольтера, Шекспира, Тассо. Опять-таки ни одного немецкого писателя. А пристрастие Радищева к английскому языку дано в образовательном поучении: “Английский язык, а потом Латинской я вам известнее сделаю других, ибо упругость духа вольностей, переходы в изображении речи приучат и разум к твердым понятиям, во всяких направлениях нужным»» (Ковалевский 1996: 583).

Эту цитату Радищева Ковалевский использует потому, что его интерес к английскому языку, английскому праву и государственному устройству связан с фактами его биографии, с его исследовательской, преподавательской деятельностью. После окончания харьковской гимназии с золотой медалью он поступил на юридический факультет Харьковского университета. Большое влияние на него оказал профессор кафедры международного права Д.И. Каченовский (1827–1872), который считал, что для развития международного права необходима совместная работа ученых разных стран с целью кодификация международного права. По инициа-

тиве Каченовского Ковалевский был оставлен на кафедре государственного права, но в связи со смертью учителя он оставил университет и уехал в Европу, где занимался исследованием права европейских стран, особенно Англии. После возвращения в Россию читал лекции на юридическом факультете Московского университета по истории иностранного (английского) законодательства, конституционному праву, истории сословий на Западе и в России. В 1887 г. его отстранили от преподавания по приказу министра народного просвещения И.Д. Делянова за отрицательное отношение к русскому государственному строю из-за «неуместного» сравнения этого строя с «английскими порядками».

«Английским порядкам» были посвящены магистерская диссертация Ковалевского «История полицейской администрации и полицейского суда в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III» (1877) и докторская «Общественный строй Англии в конце средних веков» (1880). После увольнения из университета с 1887 по 1905 г. Ковалевский жил за границей и, владея основными европейскими языками, занимался исследовательской и преподавательской деятельностью во Франции, Швеции, Англии, Италии, Испании, США. Из солидарности с ним «русский либерал-англофил» профессор П.Д. Виноградов с 1888 г. читал в университете курс «Государственное право Англии в историческом развитии».

В своих теоретических и историко-социологических работах Ковалевский ссылается на Виргилия, Гесиода, Гомера, Гете, Гюго, Шекспира, Шиллера, Н.М. Языкова, Н.М. Карамзина, В.Ф. Одоевского, А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, А.П. Чехова и др.

Использование в социологических исследованиях имен литераторов и их текстов можно встретить практически у всех отечественных социологов.

Так, в работах Кареева это ссылки на Шекспира, Байрона, Гете, Гейне, Жорж Санд, Золя, Дюма, Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Некрасова, Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Гоголя, Чехова. У Михайловского — на Данте, Гете, Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Некрасова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Короленко, Глеба Успенского. У С.Н. Южакова — на Шекспира, Гете, Пушкина, Льва Толстого. У Б.А. Кистяковского — на Гомера, Шекспира, Гюго, Достоевского, Льва Толстого, Чехова, Короленко, Горького.

Жизненная достоверность критического реализма стала основанием для литературного творчества отечественных социологов, которые писали романы, повести, рассказы, поэмы, стихи, эпиграммы. В литературном творчестве они реализовывали и свою теоретико-методологическую позицию, и свое отношение к социальной реальности российского общества.

Так, П.Л. Лавров — «первый русский социолог» (Кареев), чья теория формировала социологию как «систему, единую дисциплину» (Сорокин), — стал писать стихи, по его признанию, еще в детстве и продолжил их писать при поступлении в Артиллеристское училище. После покушения Д.В. Каракозова на Александра II полковник, профессор математики Лавров в 1866 г. был арестован, уволен со службы и отправлен под надзор полиции в Вологодскую губернию, в город Кадников. Военный суд обвинил его в сочувствии и близости к людям «с преступным направлением» (Н.Г. Чернышевскому, М.Л. Михайлову, П.В. Павлову), в печатной пропаганде вредных идей, в связи с организацией «Земля и воля», а также в сочинении стихов, в которых «возбуждалось неуважение» к Николаю I и Александру II.

Речь шла о стихах Лаврова «Пророчество» (1852), «Русскому народу» (1854) против тирании власти, которые он посвятил В. Гюго, чье творчество высоко ценил, и письмом отправил А.И. Герцену в 1856 г. Стихи Лаврова без указания имени автора Герцен опубликовал в 1857 г. в книге «Голоса из России». Вот фрагмент из стихотворения «Русскому народу»:

Проснись, мой край родной, изъеденный ворами,
Подавленный ярмом,
Позорно скованный бездушными властями,
Шпионством, ханжеством!
От сна невежества, от бреда униженья,
От лени вековой
Восстань и посмотри: везде кипит движенье,
Черед уж за тобой! (Герцен, Огарев 1976: 36)

Стихи Лаврова Герцен показал Гюго и ответил в «Колоколе» в 1857 г., что Гюго благодарил автора за посвященные ему стихотворения.

На четвертом году ссылки Лавров бежал с помощью Г.А. Лопатина, и Герцен, знавший о его побеге, ждал Лаврова в Париже. Лавров приехал в Париж в марте 1870 г., но Герцена уже не было в живых. Лавров писал стихи и в эмиграции: «Рождение мессии», «Апостол», «Н.П. Огареву», «Песня юности» и др. Ему принадлежит русский текст Марсельезы — «Рабочая Марсельеза»: «Отречемся от старого мира! Отряхнем его прах с наших ног. Нам враждебны златые кумиры; ненавистен нам царский чертог...» (опубликована в газете «Вперед» от 1 июля 1875 г.).

Короленко очень положительно отзывался о стихах Лаврова, а Некрасов называл их «рифмованными передовыми статьями». Отдельным сборником стихотворения Лаврова не издавались.

Л.И. Мечников — представитель «географического детерминизма» в социологии, находясь в эмиграции (за участие в гарибальдийском движении и Парижской коммуне), под запретом издавать свои произведения в России, опубликовал в 1863 г. в журнале «Современник» под псевдонимом Леон Бранди автобиографическую повесть «Смелый шаг», а в 1882 г. в журнале «Дело» повесть «На всемирном поприще» — о жизни русских художников в Париже.

Михайловский — признанный социолог, талантливый публицист и литератор — признавался, что к сочинительству чувствовал склонность с раннего детства. В гимназии и в Петербургском институте горных инженеров он отличался сочинениями на заданные или выбранные темы. С 1867 г., по его признанию, его «преследовал» литературный план, который очень его занимал — написание романа «Борьба». Одновременно с работой над романом он готовил статью с критическим разбором сочинений Спенсера — «Что такое прогресс?». В 1868 г. Михайловский в редакции журнала «Отечественные записки», куда он был приглашен на работу, в присутствии Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Г.З. Елисеева прочитал начало своего романа, речь в котором шла о детстве и жизни героя «в закрытом заведении». Роман был встречен редакцией благосклонно, но автор при чтении убедился в «слабости» своего художественного дарования и свою «Борьбу» «окончательно забросил». Однако термин «борьба» стал ключевым понятием в социологической концепции Михайловского, его теории «борьбы за индивидуальность». В «Отечественных записках» Михайловский проработал с 1869 по 1884 г. до закрытия журнала. Несмотря на интенсивную деятельность в сфере журналистики, склонность к беллетристике он не оставил, хотя в статье «О Всеволоде Гаршине» еще раз подчеркнул: «Я не беллетрист» (Михайловский 1989: 261).

В начале 1883 г. Михайловский начал писать роман «Карьера Оладушкина», над которым продолжал работать почти до самой смерти. Это был роман, по его словам, о «типичном мерзавце», мнимом революционере, вовлеченном в народовольческое движение честолюбием, а затем ставшим отступником. Текст первой части рукописи романа был издан в Петербурге после смерти автора в 1906 г. в журнале «Русское богатство».

«Патриарх» российской социологии Кареев, по его словам, еще в гимназии заучивал стихи своих любимых поэтов — Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Во время «короткого сидения» в Петропавловской крепости в 1905 г. он «развлекал» себя, вспоминая стихи Пушкина, которые с детства знал наизусть, «а читая новейшие работы о Пушкине, ...ловил себя на сожалении, что не пошел по литературной дороге» (Кареев 1990:298).

По поводу собственного стихосложения он писал: «У меня рано обнаружилась версификаторская способность, которую не я один принимал за поэтический дар. Впоследствии я понял, что тут что-то не так, хотя я никогда не переставал пописывать стихи» (Кареев 1990:83). Свои поэтические опыты он оценивал с юмором — это «забава для себя и для других». Он писал, что обращался с ними, как Тютчев, бросавший написанное: «С его стороны, правда, это было непростительно, он разбрасывал бриллианты и перлы, у меня же это были самые простые бусы, собирать которые совершенно не стоило». «Мой жанр — эпиграммы, акrostихи, шуточные оды» (Кареев 1990:302). Так, назначение Н.П. Боголепова и Н.А. Зверева в Министерство народного просвещения в 1898 г. он отметил эпиграммой:

Вселились в министерство
В довольно равной мере божественность и зверство
В нелепом богозвере (Кареев 1990:344).

Поэтические опыты Кареева сохранились. Большое собрание его стихов находится в архиве Академии наук в Санкт-Петербурге.

Л.Е. Оболенский — представитель этико-социологической («субъективной») школы — был переводчиком, литературным критиком, издателем, редактором и писателем. Он был известным, но не столь популярным, как Михайловский. И не потому, что ему не хватало остроумия и политической страстности последнего, а потому что его убеждения (которые отразились в его социологических и литературных произведениях) носили явно «примирительный характер». Поэтом, по его словам, он всегда оказывался «между молотом и наковальней», подвергаясь критике и либералов, и консерваторов.

На его склонность к литературному творчеству, по признанию Оболенского, оказал влияние И.Ф. Рашевский, который преподавал в гимназии русский язык и литературу. (Впоследствии Рашевский стал директором земской учительской школы в Петербурге, преподавал русский язык и словесность детям Александра III).

Оболенский — автор романов (Запросы жизни, «Без маяка», Ближе к природе». «Два полюса» и др.), повестей, рассказов, стихов. Он публиковал их в журнале «Русское богатство», который издавал с 1883 по 1891 г. Его рассказ «Странник» редактировал Л.Н. Толстой, который очень хорошо относился к публикациям в этом журнале: «Мне кажется, что Русское богатство теперь единственный журнал, воздействующий на общество. Его статьи выдают работу мысли, статьи эти ждут, о них говорят, и они составляют событие в некотором кругу людей» (Толстой 1937: 394–395).

Для журнала он написал несколько нравственно-публицистических статей. Свои стихи «Рефлексия», «Я не трибун», «Вечная борьба», «Весна» и др. Оболенский издал в двух сборниках (Оболенский 1878; 1884).

Литературные произведения, по признанию Оболенского, стали для него особой образной формой исследования общества и человека во «всех положениях человеческой природы». В центре его внимания не «героическая личность», а тип и запросы жизни «среднего человека» (интеллигенции, крестьянства), которых, в отличие от «героев», легион. Область жизненных требований этих «средних людей», по его мнению, также достойна серьезного и добросовестного исследования в литературе. Так, о своем романе «Запросы жизни» он писал: это «...покойное и трезвое изучение условий, создающих известные типы, а затем... исследование результатов, порожденных этими типами» (Оболенский 1881:289). Общественный прогресс Оболенский видел в синтезе «двух сторон одного факта» — в «улучшении форм жизни» и «личного совершенства»: «Если будем игнорировать формы общества, у нас личность будет дряблая, сбита с толку, полупомешанная, как и указано в романе, но, наоборот, не от одной ли дряблости, случайности зависит и дряблость форм? Не ясно ли, что, заботясь о формах, следует заботиться о личности, и наоборот» (Оболенский 1881: 293).

В литературном процессе принимал участие и Ковалевский. В 1893 г. в сборнике русской художественной лирики «Волна» было опубликовано его стихотворение «Из-за дали и разлуки»* (Ковалевский 1893: 173).

В Санкт-Петербургском отделении Архива РАН находятся наброски его повестей «Американки, или Вечер в Чикаго» и «Трясина». Историю названия «Трясина» Ковалевский прокомментировал в своих воспоминаниях о Тургеневе. Он пишет, что Тургенев, проживая по «личным причинам в Париже», служил «русским интересам» и его называли «послом от русской интеллигенции». В Париже при посещении Тургенева Ковалевский обратился к нему с просьбой написать «социально значимый роман», где в общих чертах отметить стороны нашей общественной жизни, которые еще не были затронуты писателем. «На что Тургенев ответил, что недоумевает, какое художественное произведение может выйти из попытки изобразить еще не вполне определившиеся течения. Вы сами говорите об их слабости и отсутствии под ними твердой почвы. Уж не назвать ли мне мой новый роман “Трясиною”? Нет!» (Ковалевский 1983: 3).

* Указание на авторство Ковалевского см.: (Смирнов-Сокольский 1965:401). Книга Николая Павловича Смирнова-Сокольского (1898–1962), артиста, писателя, библиофила, была издана после его смерти.

Литературное творчество Сорокина связано прежде всего с поэзией. В 1913 г. четыре его стихотворения были опубликованы в вологодской газете «Эхо». Лирические стихи Сорокина, подписанные им «Рифмованная ерунда» (законченные и наброски), в двух тетрадах, сохранились в архиве Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома). Его законченные стихотворения из этих тетрадей опубликованы в журнале «АРТ» в 2014 г. (Сорокин 2014: 151–154).

В архиве Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома) сохранилась рукопись романа Сорокина «Предтеча» (под псевдонимом «Чаадаев Н.»). По жанру роман является социальной утопией с элементами автобиографии — о первых годах жизни Сорокина в Петербурге. Часть романа была опубликована в 1917 г. в четырех выпусках «Ежемесячного журнала литературы, науки и общественной жизни» без финальной главы. В 1918 г. деятельность журнала прекращена. В том же году Сорокин был арестован. В 2014 г. полный текст романа опубликован в республиканском литературно-публицистическом, историко-культурологическом, художественном журнале «Арт» (Сорокин 2014: 104–150).

Большую роль в культурной жизни России играла литературная критика. Ее авторами часто выступали отечественные социологи. Литературная критика занималась истолкованием и оценкой произведений литературы с точки зрения проблем общественной жизни. Она оказывала влияние на формирование общественного мнения, носила публицистический характер и была связана прежде всего с журналистикой, где преобладали такие жанры, как статьи, обзоры, рецензии, отклики. Среди известных литературных критиков — В.Г. Белинского, А.А. Григорьева, П.В. Анненкова, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского — следует особо выделить социолога Михайловского, чья деятельность связана с журналами «Отечественные записки» и «Русское богатство».

Статьи и рецензии Михайловского были посвящены анализу и оценке творчества Лермонтова, Толстого, Достоевского, Тургенева, Гаршина, Успенского, Чехова, Горького, Андреева, Мережковского. Он отмечал творческие достоинства, но далеко не все принимал в содержании произведений и мировоззрении их авторов.

Михайловский анализирует литературные произведения с позиции своей социологической концепции, центральной темой которой была теория личности в ее «двойных формулах»: «идеальный/практический тип личности», «работа совести/работа чести», «тип/степень» развития личности. Литературу он использует для разъяснения и иллюстрации своей теории личности на примере поступков героев произведений, где каждый герой в специфической ситуации является для него «литературным фактом».

Так, в рецензиях на рассказы Гаршина («О Всеволоде Гаршине», «Еще о Гаршине и о других») Михайловский пишет, что у Гаршина есть герои, которые полностью приспособились к среде — это один из вариантов «практического типа», они живут в свое удовольствие, исключительно для своего «я». Но в основном его герои — это люди преимущественно «среднего», а иногда даже «малого» роста, доведенные средой до крайнего предела существования. И даже когда они осознают себя в жизни только «инструментами», «орудиями», «общественными животными», у них нет сил и возможности вырваться из той среды, которой они «так плотно обхвачены»: «Они ищут выхода, то есть таких форм общения с людьми, которые не налагали бы на них ненавистного ярма, не делали бы их “пальцами от ноги”, “клапанами”, безвольными орудиями сложного целого, все большему дифференцированию которого так радуются разные спенсеровы дети» (Михайловский 1989:285). В статье «Еще о г. Максиме Горьком и его героях», выделяя героев-антиподов Данко и Ларру, Михайловский объясняет разницу в их действиях тем, что Данко был мотивирован и честью («жаждой первенства и власти»), и совестью (сострадал людям, переживал их жизнь); а Ларра — только честью в ее крайних пределах — «быть первым» во всем, а значит, был лишен «способности переживать чужую жизнь» (Михайловский 1989: 513).

В литературной критике Михайловский делает и чисто теоретические отступления, разъясняя и комментируя свою теорию личности. В статье «Г.И. Успенский как писатель и человек» он разъясняет свою типологию мотивов деятельности личности: «Работа совести и работа чести отнюдь не исключают друг друга. Между ними возможно практическое соглашение, они могут уживаться рядом, пополняя одна другую. Но они все-таки типически различны. Совесть требует сокращения бюджета личной жизни и поэтому в крайнем своем развитии успокаивается лишениями, оскорблениями, мучениями; честь, напротив, требует расширения личной жизни и поэтому не мирится с оскорблениями и бичеваниями. Совесть, как определяющий момент драмы, убивает ее носителя, если он не в силах принизить, урезать себя до известного предела; честь, напротив, убивает героя драмы, если унижения и лишения переходят за известные пределы... Работе совести соответствуют обязанности, работе чести — права» (Михайловский 1989: 327).

Оценка творчества авторов литературных произведений у Михайловского связана с термином «талант». У Достоевского — «жестокий талант» (Михайловский 1989: 153); у Тургенева — «несравненный», «музыкальный талант» с «тонкой и кружевной отделкой письма» (Михайловский 1989: 238, 243); у Гоголя — «громадный талант» — он рисовал свои образы,

«вырывая их с корнем из русской жизни» (Михайловский 1989: 240); у Чехова — «настоящий, большой талант» (Михайловский 1989: 525).

Отечественные социологи в своих исследованиях оценивали литературу и отечественную, и западную как «документы» — «литературные факты» о времени, эпохе, характере личности.

Сорокин в монографии «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения морали» ссылается на «факты жизни» «прозорливого» Достоевского в его романах «Братья Карамазовы», «Бесы», «Преступление и наказание», «Записки из мертвого дома» (Сорокин 1992: 53, 83, 126).

Что касается отношения литераторов к социологии и ее основателю Конту, то здесь следует выделить трактат Толстого «Так что же нам теперь делать?» (1882–1886), в котором он с позиции нравственно-религиозного мировоззрения подверг анализу и критической оценке эту «новую науку», столь «любимую теперь» наряду с антропологией и биологией. Толстой отмечает, что «позитивная философия» Конта была принята ученым миром, а его «позитивная политика» признана «ненаучной, неважной». Особое возражение Толстого вызвало в социологии представление о человечестве как об организме, в котором люди только «живые частицы», служащие всему организму (Толстой 1924: 331–339). А.М. Скабичевский поместил в ответ на этот трактат в «Новостях» (1886, № 91) едкую заметку «Граф Л.Н.Толстой о женском вопросе», в которой утверждал, что Толстой отрицает «науку вообще». Оболенский ответил Скабичевскому статьей в «Русском богатстве» (Оболенский 1886), в которой писал, что Толстой отрицает не «науку вообще», а «науку ради науки» и считает науку плодотворной, если она «знает одни обязанности» быть полезной жизни людей.

Толстой упоминает социологию в романе «Анна Каренина», когда пишет об отношении Левина к журналам: «Левин встречал в журналах статьи, о которых шла речь, и читал их, интересуясь ими, как развитием знакомых ему, как естественнику по университету, основ естествознания, но никогда не сближал этих научных выводов о происхождении человека как животного, о рефлексах, о биологии и социологии с теми вопросами о значении жизни и смерти для себя самого, которые в последнее время чаще и чаще приходили ему на ум» (Толстой 1963: 34).

Российские социологи в деятельности литературных сообществ

Отечественные социологи были знакомы практически со всеми российскими писателями и поэтами и не только писали статьи с анализом их творчества, цитировали их произведения в своих социологических

исследованиях, но принимали активное участие в литературных сообществах и организациях, в праздновании литературных писательских юбилеев и т.д.

Так, в 1860 г. Лавров прочитал три лекции по философии в пользу Литературного фонда. В 1861–1862 гг. он был казначеем и членом Комитета Литературного фонда и старшиною литературного клуба, носившего название «Шахматный».

Кареев в течение 25 лет был секретарем, а затем председателем Литературного фонда, членами которого были «многие нотабли» русской литературы, публицистики и науки — С.А. Венгеров, Короленко, Михайловский, Оболенский, В.Д. Набоков, П.Д. Боборыкин, Д.Н. Мамин-Сибиряки др. Они устраивали литературные собрания, вечера, празднование юбилеев. Кареев писал, что «на разных литературных именинах и днях рождения у Н.К. Михайловского, у М.В. Ватсон, у Ф.Ф. Фидлера — переводчика русских поэтов на немецкий язык, бывал настоящий генеральский сметор всей прогрессивной литературы» (Кареев 1990: 190).

Ковалевский принимал участие в организации литературных банкетов. По инициативе Общества любителей российской словесности в Москве в 1879 г. был устроен банкет в честь Тургенева. Ковалевский распорядился устройством этого банкета. В 1880 г. Тургенев приехал в Москву на праздник по случаю открытия памятника Пушкину. Ковалевский был членом комитета по подготовке этого праздника. Тургенев помогал комитету советами, писал в разные концы Европы, приглашая литераторов отозваться «на наш первый общественно-литературный праздник». (Больше в России Ковалевский с Тургеньевым не виделся, дальнейшие их встречи проходили уже в Париже.)

Сорокин в 1921 г. в Доме литераторов на собрании, посвященном 100-летию со дня рождения Достоевского, выступил с докладом «Заветы Достоевского». Он солидаризировался с высказываниями великого писателя (в «Братьях Карамазовых» и «Бесах») о невозможности «найти спасение в голом насилии»: «Там, где пытаются найти спасение в голом насилии, где нет любви и свободы, религии и нравственности, там ничего, кроме крови, убийств и преступлений, получить не может... Без любви, без нравственного совершенствования людей не спасет и перемена общественного строя, изменение законов и учреждений» (Сорокин 2000: 147).

С российскими литераторами социологи поддерживали дружеские и деловые отношения и в России, и в эмиграции. Так, встреча Тургенева с эмигрировавшим Лавровым произошла в Париже в конце 1872 г. Когда Лавров познакомил Тургенева с планом издания журнала «Вперед», тот выразил готовность оказывать финансовую поддержку его изданию, а с 1875 г.

выделил деньги и на издание газеты «Вперед» (издавалась в Цюрихе, Лондоне). В марте 1875 г. в газете вышла статья Тургенева, посвященная памяти Парижской коммуны (Тургенев был ее свидетелем). Газета опубликовала несколько стихотворений: «Новую песню» Лаврова, «Свидание» Огарева— и фельетон Успенского «Шила в мешке не утаишь».

Корректурные листы романа «Новь» Тургенев послал Лаврову, Лопатину и Кропоткину, желая знать их мнение. С 1877 г. он писал «Стихотворения в прозе», сближая прозаическую и стихотворную речь — особый жанр лирического дневника под заглавием «Senilia» («Старческое»). То или иное стихотворение из этого цикла он читал изредка своим друзьям — Я.П. Полонскому, Лаврову, актрисе М.Г. Савиной. Только после уговоров посетившего его редактора журнала «Вестник Европы» М.М. Стасюлевича он отдал 51 стихотворение для публикации в декабрьском номере этого журнала за 1882 г.

В Русской высшей школе общественных наук (1901–1905) организатором и директором которой был Ковалевский, секретарем школы состоял известный историк литературы Е.В. Аничков. Вместе с Ковалевским, Ю.С. Гамбаровым, Е.В. Де Роберти он принимал активное участие в устройстве школы (эмигрировал во время Октябрьской революции). К чтению лекций привлекались не только известные социологи (западные и российскийские), но и юристы, историки, политики, литераторы.

Зимой 1903 г. лекции о культе Диониса читал Вячеслав Иванов — один из лидеров русского символизма, поэт, переводчик античных авторов, Петrarки, Байрона. Свою диссертацию «Дионис и прадиионисийство» он защитил в Баку в 1920 г. (эмигрировал в Италию в 1924 г.). В Италии он написал статью для итальянской Энциклопедии под названием «Реализм. Литература и искусство». В ней он выделил творчество Бальзака как основателя реализма в искусстве, а умонастроение реализма, по его мнению, питается возникновением новой дисциплины — доктриной позитивизма Конта под именем социология. В России он особо выделял «перводвигателя» реализма Пушкина и высокую духовность реализма Толстого и Достоевского. Примером распространения реализма как идеологии и распространением его в массах он считал героев Тургенева в «Отцах и детях», которые отвергали название «нигилист», именуя себя «реалистами».

В Высшей школе общественных наук в Париже лекции о русской и западноевропейской литературе лекции читал К.Д. Бальмонт, известный поэт-символист, автор 35 поэтических сборников, переводчик Э. По, О. Уайльда, Ш. Бодлера и др. (первая эмиграция Бальмонта состоялась в 1906 г., вторая — в 1920 г.). Лекции по истории русской литературы читал писатель-романист К.Ф. Валишевский, который с 1885 г. жил

во Франции, работал в архивах Парижа, Лондона, Берлина, Вены, собирая материал о русских царях и императорах, который переводил на французский язык. До 1905 г. царская цензура не допускала выхода его работ на русском языке. В 1900 г. его «История русской литературы» вышла на французском и английском языках, в США была издана в 1918 г. Его работы по просьбе Толстого из Франции привозил ему социолог Оболенский, и Толстой отзывался о них как об «интересных книгах». В 1929 г. за большой вклад в современную историографию Валишевский был отмечен наградой французской Академии наук.

У отечественных социологов складывались не только деловые, но и дружеские отношения с писателями. Так, Кареев познакомился с Тургеневым на банкете в его честь в 1879 г. в Москве и затем посещал его в Париже. В 1882 г. он навещал Тургенева, когда тот был сильно болен, но Кареева он принял и их «встреча была теплой с обеих сторон» (Кареев 1990: 327).

У Ковалевского особо дружеские отношения сложились с Тургеневым. Первый раз в Париже в 1878 г. его привел к Тургеневу П.Д. Боборькин, они беседовали о предстоящем международном литературном конгрессе. Ковалевский присутствовал на этом конгрессе, где председательствовал В. Гюго. Когда Гюго «вследствие утомления» перестал появляться на конгрессе, его заменил Тургенев. Речь Тургенева, в которой он дал обзор русской литературы от Фонвизина до Толстого и указал на ее значение в мировой литературе, была встречена аудиторией восторженно. Русскую делегацию на конгрессе представляли Боборькин, М.П. Драгоманов, Ковалевский, Л.А. Полонский, В.В., Чуйко. В том же году Ковалевский встретился с Тургеневым в Лондоне на завтраке у А. Дилька — переводчика тургеневского романа «Ночь».

По свидетельству Ковалевского, во время своей поездки в США он «имел случай убедиться» в том, что в этой стране читателям не только высшего, но и среднего общества хорошо известны «Записки охотника» Тургенева, в котором его автор поднимал голос за свободу крестьян, что воспринималось как аналогия борьбы за освобождение негров в США. А некоторые англичане и французы не прочь думать, что крестьян в России освободили потому, что Тургенев написал «Записки охотника».

В России Ковалевский дважды встречался с Тургеневым. В феврале 1879 г. Тургенев по случаю смерти брата приехал в Москву. Ковалевский пригласил его на торжественный обед и представил ему сотрудников редактируемого им «Критического обозрения» (профессоров Московского университета А.Н. Веселовского, Н.В. Бугаева и др.). На правах хозяина он провозгласил тост за Тургенева как «снисходительного наставника

молодежи». Тургенев разрыдался, а потом с жаром и любовью говорил о Белинском и признался Ковалевскому, что мало его читал, но он повлиял на него «своими беседами».

Дружеские отношения связывали Ковалевского и с Чеховым. В 1887–1905 гг. Ковалевский жил за границей, в основном во Франции. В 1889 г. он поселился в 7 километрах от Ниццы, в деревне Белье. Знакомство Ковалевского с Чеховым произошло в сентябре 1897 г. в Ницце, где Чехов по рекомендации врачей пребывал в пансионате. После нескольких встреч они, по словам Чехова, «сделались уже приятелями». Во время второго посещения Ниццы в феврале 1901 г. они совершали поездки по Франции и Италии. Чехов собирался поехать с Ковалевским в Алжир для лечения, но тот заболел и этот план не осуществился.

Чехова нелегко было вызвать на разговор по социально-политической тематике, но Ковалевскому это удавалось. Из их бесед он вынес убеждение, что Чехов необходимыми условиями для лучшего будущего для России считал исчезновение дворян-помещиков и желал, чтобы земля досталась крестьянам не в мирскую, а в личную собственность и чтобы в их среде были школы и правильно поставленное медицинское обслуживание. Россию он хотел видеть свободной, чуждой всякой национальной вражды, крестьянство — призванным к земской деятельности и к представительству в законодательном собрании. Чехов отзывался о Ковалевском с особой теплотой и называл его «большой человечиной во всех смыслах», представителем лучшей части «жизнеспособной» русской интеллигенции (Чехов 1979: 124).

Ковалевский очень высоко оценивал сатиру Гоголя. В 1909 г. в России отмечали 100-летие со дня рождения Гоголя. Статья Ковалевского «Устарел ли Гоголь?» была опубликована в «Вестнике Европы» (1909, № 4). В публичном собрании перед общественностью Москвы 19 марта 1909 г. Ковалевский выступил с речью (по тексту своей статьи). Он не касался оценки художественного достоинства творчества великого писателя. По мнению Ковалевского, сатира Гоголя не устарела, в России продолжает господствовать самоуправство чиновников, взяточничество. Чтобы общество перестало отвечать гоголевскому описанию, необходимо исправление общественных и политических порядков, политическое «обновление» России. Свою речь он закончил словами: «Политически обновленная Россия, Россия, призванная к управлению собственными судьбами, на расстоянии одного-двух поколений создаст и новый тип, не чиновника, и не простого обывателя, а свободного гражданина, сеятеля благосостояния и просвещения на необъятной русской ниве» (Ковалевский 1909: 64).

* * *

В заключение следует отметить, что влияние литературы на российскую социологию середины XIX — начала XX в. было очень разнообразным. В условиях непризнания научного статуса социологии на государственном уровне особо значимым для ее развития в этот период стало использование литературы (направления критического реализма) в качестве материала объективной эмпирической реальности для аргументации и иллюстрации собственной социологической концепции и теоретико-методологической позиции. Изучение связи социологии и литературы и по персоналиям, и по элементам этой связи помогает лучше понять сложный процесс становления и развития социологии («новой науки»), ее актуальность в характеристике и оценке проблем российского общества.

Литература

Герцен А.И., Огарев Н.П. (сост.) (1976) *Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева*. Вып. 2. М.: Наука.

Ковалевский М.М. (2011) *Теоретико-методологические и историко-социологические работы*. СПб.: РХГА.

Михайловский Н.К. (1989) *Литературная критика: статьи о русской литературе XIX — начала XX века*. Л.: Худ. лит.

Оболенский Л.Е. (1986) Л.Н. Толстой и О. Конт о науке. *Русское богатство*, 5–6: 349–361.

Смирнов-Сокольский Н.П. (1965) *Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв.* М.: Книга.

Сорокин П.А. (1996) Духовный облик М.М. Ковалевского как мыслителя. *М.М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли: сб. ст. к 145-летию со дня рождения М.М. Ковалевского*. СПб.: Изд-во СПбГУ: 5–12.

Сорокин П.А. (2000) Заветы Достоевского. Сорокин П.А. *О русской общественной мысли: сочинения*. СПб.: Алетейя: 143–150.

Сорокин П. (1992) *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Политиздат.

Источники

Бальзак О. (1990) *Собр. соч.: в 24 т.* М.: Правда. Т. 1.

Кареев Н.И. (1990) *Прожитое и пережитое*. Л.: ЛГУ.

Ковалевский М.М. (1893) «Из-за дали и разлуки...». *Волна: сборник русской художественной лирики*. СПб.: б.и.

Ковалевский М.М. (1983) Воспоминания об И.С. Тургеневе. *И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т.* Т. 2. М.: Худ. лит.: 134–148.

Ковалевский М.М. (1906) Обращение к великому писателю земли русской. *Страна*, 109.

- Ковалевский М.М. (1884) Тургенев как политический мыслитель и художник. *Русские ведомости*, 105.
- Ковалевский М.М. (1909) Устарел ли Гоголь? *Вестник Европы*, 4: 64.
- Ковалевский М.М. (1960) Об А.П. Чехове. *А.П. Чехов в воспоминаниях современников*. М.: Худ. лит.: 447–452.
- Мольер Ж.-Б. (1957) *Собр. соч.: в 2 т.* М.: Худ. лит. Т. 2.
- Оболенский Л.Е. (1881) Ответ критику «Отечественных записок». *Мысль*, 12.
- Оболенский Л.Е. (1878) *Стихотворения 1868–1878*. Ч. 1. СПб.: Русская скоропечатня П.С. Нахимова.
- Оболенский Л.Е. (1884) *Стихотворения 1879–1884*. Ч. 2. СПб.: Русская скоропечатня П.С. Нахимова.
- Сорокин П. (2014) Предтеча. Роман. *АРТ*, 3: 140–150.
- Сорокин П. (2014) Стихи. *АРТ*, 3: 150–154.
- Толстой Л.Н. (1937) *Полн. собр. соч.* М; Л.: Худ. лит. Т. 63.
- Толстой Л.Н. (1951) *Полн. собр. соч.* М.: Худ. лит. Т. 30.
- Толстой Л.Н. (1964) *Собр. соч.* М.: Худ. лит. Т. 16.
- Толстой Л.Н. (1953) *Собр. соч.* М.: Худ. лит. Т. 8.
- Физиология Петербурга* (1984). М.: Сов. Россия.
- Чехов А.П. (1974–1983) *Полн. собр. соч. и писем: в 30 т.* М.: Наука. Т. 7.

THE LITERARY INTERTEXT OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN SOCIOLOGY

Vera Bochkareva
(v.bochkareva@gmail.com)

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Citation: Bochkareva V. (2019) Litaraturnyi intertext dorevolutsionnoy rossiysoy sotsiologii [The literary intertext of pre-revolutionary Russian sociology]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(2): 34–54 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.2>

Abstract. The article analyzes the influence of fiction on the development of Russian sociology of the mid-nineteenth — early twentieth century. The literary intertext provides an opportunity to complement and expand the vision of the process of formation and development of the sociology of this period. This connection existed in various forms. Its elements such as a reference to the names and texts of writers to illustrate their sociological concepts are highlighted; literary criticism, which was engaged in the evaluation of literary works in terms of problems of public life; articles about Russian

writers; participation of sociologists in literary communities and organizations; their business and friendships with writers and poets. The focus is on the use of literature by sociologists as objective facts of empirical reality, “facts” of time and epoch based on the ontologically related method of realism (critical realism) in literature. Critical realism with the recognition of O. Balzac as his “founder” became the dominant trend in Russian literature of the nineteenth century. The reason for this was that, unlike romanticism, with all its stylistic diversity, critical realism aimed at truthful portrayal of reality with an emphasis on injustice, immorality of society and an attempt to influence it through the choice of characters and a description of their environment. This direction was a reflection of the processes and phenomena occurring in public life, which is the subject of study in sociology. The figurative form of the reflection of reality in the literature for sociologists meant a way to master the phenomena of the life world, the observed facts of reality. The vital authenticity of critical realism became the basis for the literary works of Russian sociologists themselves, who wrote novels, stories, poems, epigrams.

Keywords: Russian pre-revolutionary sociologists, fiction, critical realism in literature, literary works of Russian sociologists.

References

Herzen A.I., Ogarev N.P. (eds.) (1976) *Golosa iz Rossii. Sborniki A.I. Herzena i N.P. Ogareva* [Voices from Russia. Herzen and Ogarev collections]. Vyp. 2. Moscow: Nauka (in Russian).

Kovalevskiy M.M. (2011) *Teoretiko-metodologicheskie i istoriko-sociologicheskie raboty* [Theoretical, methodological, historical and sociological works]. St. Petersburg: RHGA (in Russian).

Mikhaylovskiy N.K. (1989) *Literaturnaya kritika: stat'i o russkoy literature XIX — nachala XX veka* [Literary criticism: Articles on Russian literature of the nineteenth and early twentieth centuries]. Leningrad: Khud. lit. (in Russian).

Obolenskiy L.E. (1986) L.N. Tolstoj i O. Kont o nauke [L.N. Tolstoy and O. Kont on science]. *Russkoe bogatstvo* [Russian wealth], 5–6: 346–361 (in Russian).

Smirnov-Sokolskiy N.P. (1965) *Russkiye literaturnyye al'manakhi i sborniki XVIII–XIX vv.* [Russian literary almanacs and collections of the 18th — 19th centuries]. Moscow: Kniga (in Russian).

Sorokin P.A. (1996) Dukhovnyj oblik M.M. Kovalevskogo kak myslitelya [Spiritual appearance of M.M. Kovalevsky as a thinker]. *M.M. Kovalevskiy v istorii rossijskoy sotsiologii i obshchestvennoy mysli: sb. st. k 145-letiyu so dnya rozhdeniya M.M. Kovalevskogo* [M.M. Kovalevsky in the history of Russian sociology and social thought: a collection of articles on the 145th anniversary of the birth of M.M. Kovalevsky]. St. Petersburg: SPbGU Publ.: 5–12 (in Russian).

Sorokin P.A. (2000) Zavety Dostoevskogo [Dostoevsky's Testaments]. Sorokin P.A. *O russkoj obshchestvennoj mysli: sochineniya* [About Russian social thought]. St. Petersburg: Aleteya: 143–150 (in Russian).

Sorokin P. (1992) *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* [Person. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat (in Russian).